

Н.А. Тагирова

Шейх накшбандийского тариката Джамалуддин в трудах Абдурахмана из Газикумуха

Духовная жизнь дагестанского общества XIX в. характеризуется небывалым расцветом арабоязычной литературы, в т.ч. литературы исторической. Огромную роль в этом процессе сыграли не только сложившиеся многовековые традиции арабской письменной культуры, но и важнейшие военно-политические события 20–50-х годов XIX в., оказавшие влияние на все сферы жизни дагестанского общества.

Академик И.Ю. Крачковский писал об исключительном и важном значении арабских источников, относящихся к истории Кавказа XVIII–XIX вв.: «Их основное преимущество в том, что они являются источниками не со стороны, а возникли в той самой среде, которой они посвящены» [Крачковский, 1960, с. 560]. В числе исторических памятников, созданных в это время, сочинения Абдурахмана Газикумухского (1837–1901) «Хуласат ат-гафсил»¹ и «Музаккарат ‘Абд ар-Рахман»². Их автор — Абдурахман Газикумухский, сын шейха Джамалуддина Газикумухского (ум. 1866 г.), известного религиозного и общественного деятеля Дагестана XIX в., ученого и преподавателя, авторитетного знатока арабской литературы, духовного наставника имама Шамиля. Джамалуддин являлся активным сторонником накшбандийского тариката и автором знаменитого суфийского трактата «ал-Адаб ал-мардийа».

О дате рождения Абдурахмана нам известно из записи, сделанной самим Джамалуддином на листе арабской рукописи из его личной библиотеки: «Дата рождения Абдурахмана, сына Джамалуддина — ночь на воскресенье, двадцать второго числа благословенного Аллахом месяца шавваль тысяча двести пятьдесят второго года» (т.е. 1 февраля 1837 г.) [Tagirova, 1996, S. 319; Абдурахман..., 1997, с. 11].

Абдурахман получил от отца традиционное для своего времени мусульманское образование, его учителями были также известные да-

1 | Русский перевод: ал-Газикумуки, 2002.

2 | Русский перевод: Абдурахман..., 1997.

гестанские ученые и преподаватели. Он хорошо знал мусульманское право, арабскую филологию, литературу и поэзию, «священную историю», хадисы и т.д. В 23-летнем возрасте он вместе со своей женой Нафисат и братом Абдурахимом оказался в числе лиц, сопровождавших Шамиля в Калуге, где провел более 6 лет и написал одно из своих основных произведений.

Пристав при Шамиле А. Руновский приводит краткие сведения об авторе хроники: «Автор этих записок Абдурахман, сын известного дагестанского муршида Джемал-эддина и зять Шамиля, женатый на его старшей дочери Нафисат. Это очень умный молодой человек, имеющий, впрочем, склонность к схоластическому образованию, которое он и продолжает в Калуге под непосредственным руководством Шамиля. Будучи ревностным мусульманином и исполняя поэтому все самые мелочные требования религии в точности, Абдурахман находит, однако, в промежутках намазов и чтения богословских книг довольно много свободного времени для занятий литературой, которой отдает полное предпочтение перед всеми удовольствиями калужской праздной жизни» [Руновский, 1862, с. 411]. Принимая во внимание образованность и склонность к занятиям литературой, Руновский подсказал Абдурахману идею создания произведения, посвященного жизни Шамиля в России.

Самое раннее из сочинений Абдурахмана — исторический труд «Хуласат ат-тафсил ‘ан ахвал ал-имам Шамуил» («Резюме подробного изложения о делах имама Шамиля») [Крачковский, 1960; ал-Газикумки, 2002], посвященный освободительной борьбе народов Северо-Восточного Кавказа 20–50-х гг. XIX в. и судьбе ее руководителя — имама Шамиля, был написан в Калуге в 1864–65 гг. Сочинение Абдурахмана, композиционно разделенное на две части, содержит описание событий последнего периода деятельности Шамиля на Кавказе и обстоятельств его пленения, рассказывает о героической обороне Гуниба, ставшей последней трагической страницей в многолетней мужественной борьбе народов Дагестана за свою независимость.

Вторая часть сочинения посвящена «калужскому», мирному периоду жизни Шамиля и его семьи, его взаимоотношениям с представителями российских властей, поездке в 1277/1860 г. в С.-Петербург, описанию достопримечательностей и знаменитостей С.-Петербурга и провинциального русского города, военных, промышленных, культурно-бытовых объектов. Академик И.Ю.Крачковский писал, что сочинение Абдурахмана одинаково интересно и для биографии Шамиля, и для бытовой картины России в начале 60-х годов XIX в.

В конце сочинения «Хуласат ат-тафсил» Абдурахман приводит тексты писем своего отца Джамалуддина, обращенные к Шамилю и сыну, относящиеся к 1278/1861–62 г. Содержание этих писем, сообщающих о положении дел самого шейха Джамалуддина, остававшегося в Дагестане, а также обстоятельствах, связанных с его отъездом в Тур-

цию, в целом соответствует общему тону сочинения, и можно предположить, что приводятся они не случайно. Так же, как и само сочинение, они отражают те новые обстоятельства, в которых оказался имам Шамиль и его ближайшее окружение после поражения и окончания Кавказской войны.

Второе по времени создания крупное сочинение Абдурахмана Газикумухского — «Тазкира» / «Воспоминания» (полное название: «Китаб тазкират саййид 'Абд ар-Рахман б. устад шайх ат-тарика Джамал ад-дин ал-Хусайни фи байан ахвал ахали Дагистан ва Чачан аллафа-х ва катаба-х фи Тифлис фи санат 1285» / «Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада, шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Сочинено и написано в Тифлисе в 1285 г.»), по своему составу делится на две резко отличающиеся друг от друга части. Первая содержит сведения, посвященные характеристике личностей трех имамов — Газимухаммада, Гамзата и Шамиля, взаимоотношениям шариата с обычно-правовыми нормами, борьбе за ликвидацию ханской власти, отдельные описания военных событий. Вторая часть сочинения — это единственный в своем роде историко-этнографический очерк о дагестанском обществе. Впервые Абдурахман обстоятельно описывает хозяйство, быт, географическое положение, традиции дагестанских селений, их отличительные черты, производственную деятельность жителей, рассказывает о принципах управления в наибствах, о налоговой и земельной политике, системе образования в имамате, о многогранной деятельности Шамиля и его набов в административной, дипломатической, внешнеполитической сферах [Абдурахман..., 1997, с. 9–10]. Можно с полным правом считать это сочинение Абдурахмана настоящей энциклопедией по истории, этнографии и культуре Дагестана XIX в.

В обоих трудах Абдурахмана мы находим также некоторые интересные сведения и о его отце Джамалуддине Газикумухском. Сочинение «Китаб тазкират» Абдурахмана содержит информацию о роли шейха Джамалуддина в событиях 20–50-х гг. XIX в. на Северо-Восточном Кавказе, связанных с народно-освободительным движением под руководством имамов Газимухаммада, Гамзата, Шамиля, о роли суфийских идей в этом процессе. Шейх Джамалуддин — крупный религиозный деятель, пользовавшийся огромной популярностью в народе, обладавший незаурядными знаниями, окруженный ореолом святости, являлся непререкаемым духовным авторитетом и для имамов. В то же время он представлял несомненный интерес для официальных царских властей, поскольку мог, по их мнению, оказать решающее влияние на ход происходивших в то время на Кавказе событий. Как известно, шейх Джамалуддин являлся сторонником мирных взаимоотношений с Россией и расходился в этом вопросе с имамом Газимухаммадом.

Посвятив себя с определенного момента жизни духовно-религиозной практике и служению Богу, удалившись от суетной мирской

жизни, шейх проводил время в уединении и молитвах, как этого требовали установления тариката. В этот период к шейху Джамалуддину стекались со всех уголков Дагестана учащиеся и жаждущие вступить в суфийский орден накшбандийа-халидийа.

В «Предисловии к рукописному сочинению Джамалэuddина о тарикате», предваряющем подготовленный им к изданию труд Джамалуддина «ал-Адаб ал-мардийа» (сочинение появилось в русском переводе в Сборнике сведений о кавказских горцах в 1869 г. и не раз переиздавалось: Порт-Петровск, 1905; Темир-Хан-Шура, 1908; Оксфорд, 1986), Абдурахман приводит краткие, но отражающие основные вехи жизнедеятельности своего отца сведения. Он рассказывает о службе молодого Джамалуддина у Аслан-хана Газикумухского в качестве секретаря («письмоводителя»), который «за усердие и преданность» пожаловал ему несколько деревень в Кюринском ханстве с обязательством платить дань Джамалуддину. Затем — о резкой смене Джамалуддином образа жизни и обращении его к Богу «с полным раскаянием в своих грехах, в которых он провел прошлую свою жизнь, будучи в услужении у Аслан-хана». О посещении им шейха Мухаммада ал-Яраги и вступлении в суфийский орден накшбандийа-халидийа с последующим разрешением (*иджаза*), данным ему Мухаммадом ал-Яраги, наставлять «желающих вступить на путь истины». Вернувшись в Газикумух, Джамалуддин проводит время в уединении и молитвах, как это предписывалось последователям тариката, вставшим на путь служения Богу. Уделяет Абдурахман внимание и рассказу об особенных, «чудодейственных» свойствах шейха Джамалуддина, в подробностях повествуя об эпизодах, связанных с подобными «чудесами». Распространившийся по всему Дагестану слух о появлении святого шейха доходит и до Газимухаммада и Шамиля, которые изъявляют желание посетить его и принять от него тарикат. Спасаясь от преследований Аслан-хана и его попыток предотвратить распространение нового учения, Джамалуддин вынужден переселиться из Газикумуха в Цудахар, и возвратиться он сможет лишь после смерти Аслан-хана. Позже он переселяется к Шамилю, официально сделавшись устазом (учителем тариката). Абдурахман сообщает и о его родственных связях с Шамилем — о женитьбе Шамиля на дочери Джамалуддина Загидат (Захидат) и о своей женитьбе на дочери Шамиля — Нафисат, а своего младшего брата Абдурахима — на другой дочери Шамиля — Фатимат. После покорения Дагестана Джамалуддин переселяется жить в Турцию, где он скончался в Стамбуле в 1866 г.

Упоминает Абдурахман и о разногласиях между Джамалуддином и первым имамом Дагестана Газимухаммадом относительно ведения военных действий против русских, кратко рассказывает о письмах последнего, обращенных к Джамалуддину, а потом и к Мухаммаду Ярагскому, в которых затрагиваются вопросы джихада и связанные с этим установления тариката.

В «Послесловии от переписчика» к изданию труда Джамалуддина «ал-Адаб ал-мардийа» Абдурахман пишет: «Я выписал эти правила, с некоторыми сокращениями, из книги “Адабуль-Марзия”, — сочинения света моих очей, учителя и родителя моего, а также учителя в тарикате всех дагестанских, чеченских и других соседних с ним народов, — сеида Джамалэддина Казикумухского» [Джемаледдин..., 1986, с. 43].

Более подробную информацию о взаимоотношениях первого имама Дагестана Газимухаммада и шейха Джамалуддина Абдурахман приводит в уже упомянутом историческом труде «Книга воспоминаний», составленном в 1869 г. в Тифлисе. Любопытно, что свое собственное сочинение Абдурахман поместил в сборной рукописи, которую он начал с труда своего отца «ал-Адаб ал-мардийа», переписав его собственноручно в 1283/1869 г. Абдурахман пишет о Газимухаммаде: «Когда он (Газимухаммад) достиг степени совершенства в науках, он пожелал войти в тарикат накшбандийа-халидийа. Этот тарикат (орден) берет свое начало от известного шейха Халида ас-Сулаймани. Этот орден был тайным, повелевавшим жить вдали от людей и скрыто славословить Аллаха и совершать другие поклонения.... С этой целью Газимухаммад отправился со своим учеником (*мута’аллим*) Шамилем к моему отцу саййиду Джамаладдину ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагестани, который являлся тогда наставником ордена накшбандийа с иджазой от имени его шейха Мухаммада-эфенди Ярагского (ал-Йараги), Кюринского (ал-Курали), который похоронен в селении Согратль рядом с Сурхай-ханом Газикумухским, (который сражался с русскими)» [Абдурахман..., 1997, с. 28].

Абдурахман в подробностях описывает деятельность Газимухаммада по пути тариката и его взаимоотношения с Джамалуддином и Мухаммадом ал-Яраги: «И вернулся... Газимухаммад к себе домой, получив тарикат от моего отца, удалился и уединился, как было ему велено, в келью, построенную для него на окраине Гимры... Так прошло некоторое время. Он навещал наставника (шейха) моего отца Мухаммад-эфенди ал-Яраги Кюринского, так же, как и моего отца, и также принял от него тарикат. И Мухаммад-эфенди велел ему то же, что и мой отец, то есть, уединение...» [Абдурахман..., 1997, с. 31].

Далее Абдурахман сообщает об обращении Газимухаммада к шейху Джамалуддину по поводу его намерений «в борьбе за веру», в данном случае, в борьбе с царскими войсками. В книге приводится текст ответного письма шейха Джамалуддина : «Совершенный ученый мюрид Газимухаммад, если ты вступил на путь накшбандийских наставников, тебе нужно неотступно уйти в уединение и многократно восславлять Аллаха и наставлять тех, кто тебя навестит, тому, что ты знаешь. Тебе нет нужды толкать людей на смуту и гибель. Известно, что смуты бесконечно будут продолжаться, если ты начнешь дело, которое ты хочешь».

Как известно, Газимухаммад «не отказался от своего намерения начать джихад» и обратился на этот раз к Мухаммад-эфенди ал-Яраги, приложив к своему письму и ответ, полученный им от Джамалуддина. Это письмо приводится в сочинении в изложении автора. Содержание письма Газимухаммада к шейху Мухаммаду-эфенди, после подобающего приветствия и благопожелания, заключалось в следующем: «...наставник (уstad) Джамалуддин запрещает мне в прилагаемом письме борьбу за веру, в то время как Всевышний Аллах, согласно упоминаниям в благородных стихах, призывает к борьбе. Какому из этих двух высказываний мне повиноваться?» Ответ Мухаммада Ярагского был отличным от того, который дал Джамалуддин, он не исключал военные действия и предоставлял Газимухаммаду право выбора. Шейх ответил: «Велению Аллаха целесообразнее повиноваться, чем распоряжению Джамалуддина, но ты выбери то, что считаешь нужным» [Абдурахман..., 1997, с. 32].

В описываемых Абдурахманом событиях и приведенных письмах отражены две различные точки зрения, по-разному трактующие роль суфизма в общественно-политической жизни Дагестана. Из текстов приведенных писем видно, что шейх Джамалуддин призывает суфиев — мюридов скорее к уединению и молитвам, духовному самосовершенствованию и медитативному созерцанию с целью познания истины и приближения к Богу. Что касается позиции Мухаммада Ярагского, то он высказывает и другое понимание роли суфизма, признавая закономерным в сложившихся обстоятельствах вооруженную борьбу за социальное и национальное освобождение. Тем не менее позиция Джамалуддина все же не означает, что он полностью отошел от участия в общественно-политической жизни страны, встав на путь тариката. Являясь членом совета Шамиля (Диван-хана), он играл важную роль в решении многих вопросов, касающихся различных сторон религиозной и политической жизни региона. Джамалуддин опасался ненужного кровопролития и бесконечной смуты и в сложившейся ситуации он, скорее всего, понимал бессмысленность продолжения борьбы с более могущественным и сильным противником, каким являлась Российская империя, надеялся на мирное урегулирование многих проблем. В этом проявились и его мудрость, предвидение, а также миролюбивые, гуманистические взгляды. Известны слова Джамалуддина, высказанные им на прощанье прапорщику Орбелиани, находившемуся в 1842 г. в плену у Шамиля в Дарго: «Скажи русским, сын мой, что я им желаю добра, как и мусульманам: да поможет всем им Бог. Я дервиш и мулла, и знаю, что, хотя мы не одной веры, но всех нас создал один Творец, и поэтому грешно нам проклинать друг друга. Прощай, вспомни иногда человека, любящего и спасшего тебя, по милости Аллаха, из тяжелой неволи».

После покорения царскими войсками Гуниба и окончания военных действий имам Шамиль и его приближенные направляются к месту ссылки в Россию, а Джамалуддин остается в Дагестане. В своем сочи-

нении «Хуласат ат-тафсил», написанном в Калуге, Абдурахман сообщает о дальнейшей судьбе своего отца. Он посвящает Джамалуддину завершающие страницы своего исторического труда, где не только рассказывает о последнем периоде пребывания шейха Джамалуддина в Дагестане и его отъезде в Турцию, но и приводит важные документы — письма Джамалуддина, обращенные к Шамилю и самому Абдурахману. Из переписки, состоявшейся между пленниками, обосновавшимися в Калуге, и Джамалуддином, остававшимся в Дагестане, а именно из писем своих сыновей Абдурахмана и Абдурахима, Джамалуддин смог узнать, что «они живут в довольствии и благополучии», что им оказаны «всевозможные почести и милости». В свою очередь, он сообщает пленникам о своем собственном положении в Дагестане. Поскольку имеющиеся в нашем распоряжении сведения о шейхе Джамалуддине довольно скупы, мы подробно излагаем те, которые приведены его сыном Абдурахманом в «Хуласат ат-тафсил». Абдурахман сообщает следующие факты.

После завоевания Гуниба Джамалуддин переселился из Телетля, что расположен близ Гуниба, где он жил некоторое время, в селение Нижнее Казанище, расположенное неподалеку от крепости Темир-Хан-Шура. Позднее он вознамерился исполнить священный долг каждого мусульманина — совершить хадж. Официальные царские власти не только не препятствовали его намерению, но и оказали ему всяческое содействие, о чем довольно подробно сообщает Абдурахман в своем сочинении. Он упоминает о встрече своего отца шейха Джамалуддина с генерал-фельдмаршалом князем А.И. Барятинским, который в качестве представителя Российского государства не только заверил его в полной безопасности, но и снарядил его в путь «с большим почетом и многочисленным имуществом», выдав ему также пропуск «с правом беспрепятственного перемещения из одной крепости в другую». Далее он перечисляет всех тех, кто оказал содействие шейху Джамалуддину. Это и «генерал-адъютант князь Меликов, командующий войсками на Кавказе и в Дагестане», и «князь Чавчавадзе, пользовавшийся почетом и уважением в Дагестане, известный здесь достойным поведением и управлением», и «генерал-майор Лазарев, правитель Центрального Дагестана», и, наконец, «генерал-майор от инфантерии, князь Орбелиани».

В подтверждение своих слов Абдурахман приводит тексты писем своего отца Джамалуддина, обращенных к Шамилю и к нему лично.

Первое письмо, процитированное Абдурахманом (хотя хронологически оно более позднее, чем другие), было написано шейхом Джамалуддином уже по дороге в хадж. В нем сообщается о пребывании Джамалуддина в Тифлисе, где он был гостеприимно встречен «известным князем, генералом от инфантерии Орбелиани», как отмечает Джамалуддин, «обладателем ума и совершенства, благородства и знатности, благородной династии и великих заслуг». Джамалуддин

пишет: «Он узнал меня, выслушал мои слова, приветливо встретил, оказал мне достойное гостеприимство, почтил меня высоко и дал мне в это далекое путешествие богатое снаряжение, — да увеличит Аллах его достоинство и влияние день за днем. Я доволен им в высшей степени и не в состоянии ничем отблагодарить за его милости, кроме как пожеланием прославления [его] и милости со стороны Аллаха Всевышнего. Он оказал мне такой [незабываемый] почет, и я пишу вам это с целью известить [вас] о [своем] удовлетворении и уважении по отношению к нему. Я доволен им в высшей степени и желаю ему добра во всякое время. Будьте и вы довольны им и желайте ему добра, если вы мои сыновья и если вы меня любите». Далее Джамалуддин сообщает сыновьям о своей болезни, которая настигла его в пути, что отсрочило его поездку в хадж на длительное время, и о наступившем затем выздоровлении.

Два других, более ранних, письма приводятся в конце сочинения «Хуласат ат-тафсил». Они были написаны Джамалуддином еще из Дагестана (одно — из селения Эндирей, где он находился в то время, другое — из Темир-Хан-Шуры). Оба письма датированы 1278/1861–62 г. Второе письмо, написанное Джамалуддином из Эндирея, также адресовано «его славному сыну ‘Абд ар-Рахману». В нем Джамалуддин сообщает о положении своих дел после отъезда пленников в Россию. Цель этого письма, как указывает его автор, рассказать об оказанном ему уважении и благожелательном отношении со стороны российских властей, а также о необходимости благодарности за оказанные ему «милости и почести». Так же, как и предыдущее письмо, оно красноречиво свидетельствует о продуманной, мудрой политике царского правительства по отношению к влиятельным представителям покоренных кавказских народов. Ниже мы приводим текст этого письма полностью (оно впервые было введено в научный оборот автором в: ал-Газигумуки, 2002).

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного
От саййида Джамал ад-Дина его славному сыну ‘Абд ар-Рахману, —
Мир над вами и милость Аллаха Всевышнего.

А затем. Истинно, благородный эмир, генерал-адъютант, князь Меликов, управляющий Дагестана и прилегающих областей, и благородный сын наш князь Чавчавадзе, начальник управления в крепости Темир-Хан-Шура, оказали мне содействие, выдав мне паспорт и большое количество продовольствия, необходимого нам в дороге, пока мы не прибудем к месту назначения, [а также] и другую бумагу ко всем правителям великого царя на пути, с тем, чтобы они оказывали нам содействие во время наших остановок и во время отъезда. Мне также выдали специальную бумагу к известному и уважаемому эмиру, генералу от инфантерии князю Орбелиани, заместителю главнокомандую-

щего князя Барятинского на случай его отсутствия на месте, проявляя в этих письмах всюду такое великое уважение в наш адрес, какого вы [никогда] не оказываете, — да увеличит Аллах достоинство их обоих, подобно тому, как Он увеличил мое достоинство таким образом. И если пожелает Аллах Всевышний, я не забуду их милости [и отвечу им] хотя бы тем, что буду желать им добра, потому что благодарение благодетеля необходимо — поддержкой ли [на деле] в знак благодарности за его милость или пожеланием добра на словах. И для того, чтобы сообщить об этом, я написал вам это письмо. С миром. Год 1278. В селении Эндирей (Эндири)».

Что касается третьего письма, то оно обращено к Шамилю. Письмо написано в 1278/1861–62 г. из Темир-Хан-Шуры. В нем выражено отношение Джамалуддина к новым обстоятельствам, в которых оказался имам Шамиль и его семья. Джамалуддин высказывает свое удовлетворение, узнав о положении пленников в России, он говорит в своем послании о необходимости быть благодарными за милосердие и благосклонное отношение, за что он сам также благодарен Аллаху Всевышнему. Текст этого письма к Шамилю был также заимствован у Абдурахмана Мухаммадтахиром ал-Карахи (1809–1880) и приведен им в историческом труде «Барикат ас-суйуф ал-джабалийа фи ба'д ал-газават аш-шамилыйа» («Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах»). Ниже мы приводим цитату из сочинения Абдурахмана с текстом письма: «От дряхлого старца саййида Джамал ад-Дина к его славнейшему и благороднейшему сыну Шамилю и к остальной семье, — мир вам, милость и благословение Аллаха Всевышнего.

А затем. С тех пор, как мы узнали о вашем положении и ваших делах, мы часто восхваляли за это Аллаха Всевышнего. Восхваляйте же и вы Его за то, что Он оказал вам великие милости. И желайте добра царю. Мы уже слышали о великом его милосердии и хороших поступках с многочисленными милостями к вам. Несмотря на то, что вы были в отношении его злодеями, с какими милостями отнесся он к вам?! И если он так относится к злодеям, то каковы же его поступки в отношении людей добродетельных?! Нет сомнения в том, что поступок благородных — благороден, и их благодеяние — совершенно. И надлежит вам и нам благодарить его за милости и в любое время желать ему добра, возвеличивая его достоинство. Ибо, кто не благодарит созданных, тот не благодарит Создателя. Как от вас не скрыто, благодарность дарующему — необходимый долг. С миром. В 1278 (1861–62) г. в Темир-Хан-Шуре».

Эти письма были последними наставлениями шейха Джамалуддина своей семье и Шамилю, находившимся в ссылке в Калуге, перед его отъездом на постоянное местожительство в Турцию.

К сожалению, Абдурахман не сообщает никакой информации о библиотеке своего отца, которая, несомненно, у него была, но до нас не дошла. Однако существовавшая в Дагестане традиция составления

списков книг (фихристов) сохранила для нас некоторые сведения о книгах, имевшихся в распоряжении шейха Джамалуддина. Этот список был обнаружен нами на страницах одной из арабских рукописей. Он сообщает следующее: «Из книг раба [Божьего] саййида Джамал ад-Дина ан-накшбандий». В описи помянуто 22 сочинения (можно предположить, что это была только часть его библиотеки). Предварительное изучение этого списка позволяет выделить следующие тематические разделы: «Кораническая литература», хадисы, догматика, суфизм, этика, грамматика арабского языка, мусульманское право, художественная литература. В библиотеке имелись широко известные в Дагестане сочинения арабских авторов, таких как ас-Суйути, ал-Махалли и др., а также сочинения выдающихся средневековых суфиев и богословов-мистиков, таких как ал-Газали, ас-Сухраварди, аш-Ша'рани, ал-Биркали (ал-Биркави), Абу-л-Лайс ас-Самарканди. Представлены и дагестанские авторы, а точнее автор — это знаменитый Али Кумухский. В настоящее время список, содержащий сведения о библиотеке Джамалуддина Газикумухского, нами изучается. Расшифрованный и изученный список книг, принадлежавших шейху Джамалуддину Газикумухскому, будет представлен в ближайшее время в виде статьи. Он позволит составить более полное представление о круге чтения и духовных основах одного из самых известных и влиятельных религиозно-общественных деятелей Дагестана XIX в.

Список источников и литературы

Tagirova, 1996 — *Tagirova N., Šixsaidov A.R.* Abdarrahman al-Gazigumuqi und seine Werke // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th centuries / Hrsg. von M.Kemper, A. von Kügelgen, D. Yermakov. Vol. 1. Berlin, 1996.

Абдурахман..., 1997 — *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний / Перевод с арабского М.-С. Саидова. Редакция перевода, подготовка факсимильного издания, комментарии, указатели А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Махачкала, 1997.

ал-Газигумуки, 2002 — *Абдурахман ал-Газигумуки*. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля. Калуга, 1281 г.х.: Хуласат ат-тафсил 'ан ахвал ал-имам Шамуил / Перевод с арабского, введение, комментарии и указатели Н.А. Тагировой. М., 2002.

Джемаледдин..., 1986 — *Джемаледдин Казикумухский*. Ал-Адаб ул-Марзия. Накшбандийский тарикат. Арабский текст. Русский перевод. Оксфорд. 1986.

Крачковский, 1960 — *Крачковский И.Ю.* Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле // Избранные сочинения. Т.VI. М.-Л., 1960.

Руновский, 1862 — *Руновский А.* Выдержки из записок Абдурахмана сына Джамаладдинова о пребывании Шамиля в Ведено и о прочем // Кавказ, № 72–76. Тифлис, 1862.